

РАЗДЕЛ II. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

Т.А. ГРИДИНА, Е.В. ДУШИНА

(Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия)

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В СВЕТЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ РЕЦЕПЦИИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

Аннотация: В статье рассмотрены проблемы считывания семантики окказиональных слов в поэтическом произведении, среди которых – вопрос об условиях адекватной рецепции языковых единиц и объёме достаточного для них контекста. Выдвигается гипотеза о том, что окказионализмы входят в состав ключевых для передачи авторской интенции и осуществления читательской рецепции слов поэтического текста. Верификация выдвинутого положения осуществляется на основе данных психолингвистического эксперимент (с использованием метода предъявления контртекста и метода медленного чтения).

Ключевые слова: языковая игра, психолингвистический эксперимент, окказиональное слово, стратегии декодирования художественного текста

Анализ художественного текста (ХТ) предполагает возможность его многомерной интерпретации. Одним из аспектов анализа поэтического произведения является выявление характерной для того или иного автора «техники» словотворчества. Считывание смыслов окказионального

слова является особым аспектом декодирования авторского замысла, требуя от читателя известных (иногда значительных) лингвокреативных усилий.

Содержание окказионального слова неотделимо от контекста, в котором он явлен читателю. Этот тезис, казалось бы, вытекает из самой сущности поэтических окказионализмов, создающихся *ad hoc* (к случаю) и восполняющих отсутствие в языке «нужного» поэту слова. Вместе с тем не вполне прояснен вопрос о самом объеме контекста, достаточного для актуализации значения окказионализма, о конгруэнтности смысла окказионального слова в авторской и читательской проекциях, и в целом – вопрос о связи стратегий восприятия с понимания текста (в особенности поэтического произведения сложной формы). Отдельную проблему в этом плане составляет исследование факторов читательской рецепции, которые определяют ассоциативное наполнение «нестандартного» авторского слова, созданного с применением языковой игры (см. выделение *обратно-эвристического принципа языковой игры как способа вовлечения читателя в сотворчество с автором* [Гридина 2013]).

Одним из способов верификации считываемости семантики окказионализма является психолингвистический эксперимент, стимулирующий рефлексивную реакцию респондентов над формой и содержанием поэтической новации. Представляется, что проведение такого исследования продуктивно не только для обнаружения потенциальных векторов восприятия окказионального слова в художественном тексте, но и для установления глубины его понимания в зависимости от дешифровки читателем кодов авторской языковой игры.

В качестве экспериментальной *гипотезы* нами выдвинуто положение, согласно которому окказионализмы в поэтическом произведении входят в систему ключевых для

реализации авторского замысла слов. Их ассоциативное наполнение¹ определяется с учетом погруженности в контекст². Следовательно, считывание семантики окказионализмов осуществляется в ходе последовательной (пошаговой) читательской рецепции текста. Для верификации этой гипотезы нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент – с использованием процедур предъявления контртекста [Новиков 2004] и метода медленного чтения в одной из его версий, основанной на выделении зон понимания, приближения к пониманию и понимания («знания») как результата анализа «неясных» фрагментов текста [Лаппо 2012].

В нашем случае объектом анализа стали поэтические окказионализмы, рассмотренные в свете предлагаемых респондентами комментариев к соответствующему фрагменту текста. Минимальной единицей восприятия окказионализмов в ходе «пошаговой» рецепции текста была

¹Ср. понимание ассоциативного потенциала слова как совокупности всех формальных и семантических реакций на слово, проявляющих актуальные для носителей языка аспекты его восприятия (с учетом возрастной, гендерной, профессиональной динамики, индивидуального латерального профиля и др. факторов, определяющих психологическую реальность значения). Способность к переключению (одновременной актуализации и ломке) ассоциативных стереотипов восприятия, употребления, порождения словесного знака – основная стратегия языковой игры как формы лингвокреативного мышления [Гридина 1996].

²Ср. утверждение Г.В. Колшанского относительно того, что «авторский язык достигает своей цели только в условиях определённого контекста, который является главным фактором взаимопонимания автора и читателя. Более того, контекст полностью обуславливает значение окказионализмов (или универбов), что может быть верно и в обратном направлении: полнота считывания семантики целого текста зависит от полноты считывания семантики окказионального слова» [Колшанский 1980:5].

избрана законченная по смыслу строка/строфа, прочитав которую, испытуемые должны были предъявить любую реакцию, поясняющую актуальный для них смысл данного фрагмента. Совокупность таких «реакций-толкований» составляет контртекст как некую версию интерпретации читателем авторского текста. При обработке результатов эксперимента полученные комментарии классифицировались в соответствии с номенклатурой стратегий, выделенных А.И. Новиковым: *ассоциация, визуализация, генерализация, вывод, интертекст, инфиксация, констатация, мнение, ориентировка, оценка, перевод, предположение, прогноз, перифразирование, свободный ответ* [Новиков 2004]³.

Метод предъявления контртекста и метод медленного чтения конгруэнтны друг другу, поскольку оба направлены на выяснение степени приближенности читательского восприятия текста к авторскому замыслу. И та, и другая процедуры анализа текста исходят из идеи сотворчества автора с адресатом (при этом восприятие речи понимается как активный процесс, допускающий множественную интерпретацию – разные проекции текста в сознании конкретного читателя: методика контртекста выявляет эти проекции как содержание процесса первичного прочтения и осмысления произведения). Вместе с тем интерпретация произведения в идеале должна удовлетворять критерию адекватности считывания авторских интенций, и именно эта концепция восприятия лежит в основе методики мед-

³Перечисленные стратегии интерпретации применительно к считыванию окказионального слова анализируются также в свете конструктивных принципов языковой игры: *ассоциативное наложение, ассоциативная интеграция, ассоциативная идентификация, ассоциативная провокация, ассоциативная выводимость, имитация* (см. выделение и интерпретацию данных принципов в: [Гридина 1996]).

ленного чтения, стимулирующей углубленную рефлексию над такими фрагментами текста, которые не поддаются пониманию «с первого раза» и требуют для своего декодирования определенных лингвокреативных усилий.

Объединив эти концепции, мы получили возможность более детальной обработки результатов эксперимента, а также их упорядочивания по двум критериям: процессуальному (выявление стратегий «порождения» контртекста) и результирующему (вывод об уровне понимания текста реципиентом).

Для анализа читательской рецепции с использованием названных методик было взято стихотворение Льва Лосева «ЛЕВЛОСЕВ».

Выбор материала обусловлен, во-первых, тем, что данное стихотворение Л. Лосева не является широко известным, и соответственно предложенный текст не был знаком респондентам (это отвечает условию первичного восприятия текста при проведении эксперимента); во-вторых, тем, что творчество этого поэта отличается ярко выраженной оригинальностью как в плане ассоциативно-семантическом, так и формальном. Исследователи творчества Л. Лосева отмечают, что он «склонен к интеллектуальной игре, пародии, иронии... Стихи Лосева полны аллюзий из русской литературы всех веков, открытых или скрытых цитат. Постоянная его тема – это Россия, брошенная на произвол насилия, террора и лжи...». При этом за иронической самопрезентацией поэта стоят «душевные переживания одинокого человека, поиски смысла жизни и смерти» ([ru.wikipedia.org/wiki/ Лосев_Лев_Вл...](http://ru.wikipedia.org/wiki/Лосев_Лев_Вл...)). Насыщенность поэтических текстов Л. Лосева разного рода импликатурами касается и создаваемых им окказионализмов (см., в частности, подробный анализ сложной «архитектоники» стихотворения «Левлосев» в: [Зубова 2010]).

В качестве испытуемых выступили студенты 4-го курса (15 человек) Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педуниверситета. Данная количественная выборка для проведения экспериментальной серии с использованием метода контртекста вкупе с методикой медленного чтения представляется нам достаточной, поскольку обе эти процедуры ориентированы на выявление индивидуальных стратегий интерпретации смысла анализируемого текста и не претендуют на обобщение по статистическим основаниям.

Инструкция для респондентов формулировалась следующим образом:

«Прочитайте текст и сконструируйте свой собственный "контртекст".

Контртекст – это всё то, что возникает в Вашем сознании в результате понимания каждого смысла отдельного предложения. Он включает в себя реакции не только на то, что написано в предложении (сказано в нем прямо), но и на то, что подразумевается, дано в неявной форме, что может вызывать у Вас различного рода ассоциации, воспоминания и т.п. На отдельном листе записывайте свои мысли и интерпретации на каждое очередное предложение (все они пронумерованы в тексте), не читая последующие, не забегайте вперед. После составления "контртекста" сформулируйте общий смысл прочитанного Вами текста»⁴.

Текст для проведения эксперимента был разбит на следующие сегменты:

- (1) ЛЕВЛОСЕВ.
- (2) Левлосев не поэт, не кифаред,
- (3) Он маринист, он велимировед,

⁴ Приведенная инструкция задавалась в соответствии с предложенной А.И. Новиковым при разработке данной экспериментальной процедуры [Новиков 2004].

- (4) Бродкист в очках и с реденькой бородкой,
- (5) он осиполог с сиплой глоткой,
он пахнет водкой,
он порет бред.
- (6) Левлосевлосевлосевлосевон-
Онононононононо иуда,
- (7) он предал Русь, он предаёт Сион,
- (8) он пьёт лосьон,
- (9) не отличает добра от худа,
- (10) он никогда не знает, что откуда, хоть слышал звон.
- (11) Он аннофил, он александроман,
- (12) федоролюб, переходя на прозу,
- (13) его не станет написать роман,
а там статью по важному вопросу –
держи карман!
- (14) Он слышит звон,
как будто кто казнён
- (15) там, где солома якобы едома,
- (16) но то не колокол, то телефон,
- (17) он не подходит, его нет дома.

Стихотворение пронизано самоиронией, доходящей до полной самоаннигиляции (самоуничтожения) автора. Оно несёт в себе идею разрушения личности в тоталитарном государстве, отражая сложность авторского мироощущения, в котором сочетаются *«социальное отщепенство..., метафизические раздумья со злобой дня, мировая скорбь с каламбуром...»* (Гандлевский 1998: 37). Особую роль в выведении текстовых импликатур играют у Л. Лосева литературные ассоциации.

В этом отношении, согласно нашей гипотезе, принципиально важны те фрагменты стихотворения, которые содержат окказионализмы (собственно ключевые слова текста). В частности в стихотворении «ЛЕВЛОСЕВ» представлен целый ряд окказионализмов, служащих средством

самоидентификации автора. Ср. *маринист, велимировед, бродскист, осиполог, аннофил*, отсылающие к именам поэтов Серебряного века, чьим приверженцем является лирический герой (*Марина Цветаева, Велимир Хлебников, Иосиф Бродский, Осип Мандельштам, Анна Ахматова*). Не так однозначны, но, безусловно, актуализированы литературные аллюзии в окказионализмах *федоролюб* и *александроман* (ср. *Федор Достоевский и Федор Соллогуб, Александр Пушкин и Александр Блок*). Но и такая «неоднозначность» есть элемент намеренного усложнения ассоциативного контекста языковой игры.

Последовательное декодирование смысла окказионализмов – с применением описанных выше процедур – дает возможность не только оценить степень словотворческой оригинальности поэта, но и выявить разные уровни восприятия текстовой символики для каждого из участников эксперимента.

В качестве примера приведём реакции некоторых испытуемых на четвёртый фрагмент текста, содержащий в своем составе окказионализм *бродскист*, образованный по модели суффиксальных существительных со значением «лицо по принадлежности к общественно-политическому, идеологическому, научному направлению, по сфере занятий, склонности, названным мотивирующим словом» [РГ–80: 189]. Ср. одноструктурные *марксист, ленинист*. В контексте стихотворения *бродскист* – «тот, кто изучает творчество Иосифа Бродского, придерживается взглядов этого поэта, является его последователем», sic Лев Лосев). Ассоциативная выводимость этого значения требует учета всего окказионального ряда подобных текстовых новообразований (см. выше), к тому же восприятие смысла данного слова осложнено контекстуально-иронической визуализацией образа автора (*в очках и с реденькой бородкой* – очень точная портретная самохарактеристика Л. Лосева).

Это описание стилистически снижает «пафосность» причисления поэтом самого себя к числу исследователей и последователей творчества И. Бродского. Однако в подтексте явно просвечивает и ассоциация с *троцкист*. Ср. комментарий данного фрагмента стихотворения Л.В. Зубовой: «На поверхностном уровне содержание текста больше похоже на донос, чем на анкету. Слово *бродскист* звучит почти как «троцкист», фонетическое подобие слов усилено портретным сходством: в очках и с реденькой бородкой» [Зубова 2010: 10].

Реакции респондентов проявляют разные стратегии интерпретации окказионализма, которые соответственно определяют глубину восприятия его смысла: нахождение в зонах *непонимания, приближения или знания, понимания*, наиболее адекватного авторскому замыслу. Ср. реакции 1) *мужичок-лесовичок. Или старый леший*. Стратегия создания контртекста – *ассоциация* (на основе визуального отождествления с фольклорным образом, без учета отнесенности характеристики к слову *бродскист*); нулевая степень считанности текстовой семантики окказионализма (**зона непонимания в пространстве интерпретации текста**); 2) *борец в очках (перифразирование и оценка)*; выделен вектор «оппозиционер»; 3) *мучения, Бродский (ассоциации на основе мотивационной выводимости и оценка)*; 4) *редактор, Вуди Аллен, литература, берет, водолазка, Лимонов, искусство (ассоциации в опоре на фоновые знания респондента о представителях литературной «фронды», противостоянии цензуры и искусства)*. Приведенные реакции (2 - 4) очерчивают **зоны приближения к авторскому замыслу**; 5) *описание внешности; любит Бродского*. Стратегии создания контртекста – *констатация, вывод* (с учетом словообразовательной семантики и производности слова *бродскист* от фамилии поэта И. Бродского). Ответ находится в **зоне адекватного понимания** (в

плане считанной номинативной функции окказионального слова и его ближайшего контекста). Ср. использование стратегии оценочной *ориентировки* при считывании окказионализма в проекции на более широкий контекст: *уменьшительно-ласкательный суффикс в слове «реденькой» придаёт ему уничижительный характер, автор буд-то описывает «маленького человека науки» – человека, который изучает творчество Бродского, обладает заурядной для мужчины-профессора внешностью, да к тому же плохим зрением (образ очков и подразумеваемое плохое зрение поддерживают мотив дезориентации лирического героя в пространстве, выключения из него)*. Такая актуализация смысла окказионализма намечает важную для Л. Лосева тему асоциальности (непризнанности и неприятия себя самого).

Результаты экспериментальной верификации читательской рецепции данного стихотворения в совокупности его фрагментов представлены в Таблице:

Фрагмент исходного текста	Стратегии интерпретации (восприятия и декодирования текста), выведенные на основе полученных от респондентов реакций
<p>(1) ЛЕВЛОСЕВ.</p> <p>Первый фрагмент стихотворения нестандартен в плане формального (орфографического) представления имени и фамилии, написанных в одно слово, что провоцирует испытуемых к декодированию</p>	<p>Ассоциация</p> <p><i>Лев, олень, лось, лоси, лес, бор</i> (цепные реакции на стимул ЛОСЕВ); <i>рыба</i> (возможно, паронимастический ассоциат к <i>лосось, лов</i>); <i>сев</i> (осколок слова ЛЕВЛОСЕВ), <i>весло</i> (анаграмма от ЛОСЕВ); <i>оппозиция, инакомыслие.</i></p> <p>Генерализация (категоризация)</p>

скрытого за данным приемом смысла с использованием разных стратегий: «ассоциативной идентификации и ассоциативной выводимости» [Гридина 1996; 2014]; генерализации – отнесения игрового слова к общим категориям; промежуточного вывода – ориентировки и свободного ответа; наиболее продуктивна на данном этапе рецепции текста стратегия ориентировки.

Имя, фамилия, фамилия человека, какой-то человек мужского пола; человек; зоомир (очевидно, реакция на лев и лось как корневых элементов ономастической игры)⁵.

Ориентировка

Человек, литературовед, персонаж, о котором будет идти речь; ЛЕВЛОСЕВ – имя какого-то учёного; имя, фамилия человека, возможно, главного героя; лирический герой, за которым стоит автор.

Свободный ответ

Человек, действующий левой рукой эффективнее, чем правой, очень сильно развитый умственно (омонимическое переключение восприятия значения одного из компонентов окказионального слова: ср. лев /Лев и левый. – Примечание наше. - Т.Г., Е.Д.).

⁵ Игра (игровая трансформа) – термины, введенные Т.А. Гридиной для обозначения результатов (продуктов) языковой игры как особой формы лингвокреативного мышления, основанного на одновременной актуализации и ломке, переключении ассоциативных стереотипов употребления и порождения вербальных знаков [Гридина 1996]. О возможности экспериментальной верификации восприятию игры с учетом механизмов (конструктивных принципов) ее создания подробнее см. в: [Гридина 2013; 2014].

**(2) Левлосев не поэт,
не кифаред⁶,**

Многие испытуемые «выстраивают» контртекст, подобно автору, на констатирующих отрицаниях, отчего (возможно, из-за негативно-го ассоциативного фона отрицания как такового) эти реакции обретают негативную оценочную окраску. Обращает на себя внимание испытуемых и нестандартный словесный код (языковая игра).

Ассоциация

Древняя Греция, мифология, риторика; мыслитель, кифара, возвещать; этикурство (эпикурейство).

Констатация. Перефразирование

Кем не является Лев Лосев; не поэт, и всё тут; человек, не поэт, не учёный; он не поэт; не пишет стихи; человек, Лев Лосев.

Оценка. Мнение

Характеристика героя отрицательная; нетворческий, приземлённый; это хорошо; непонятно что из себя представляет.

Визуализация

Человек, сидящий за столом, светлый, со светлой бородой.

Свободный ответ

Игра слов

⁶ Слово *кифаред* (древнегреческий музыкант, играющий на кифаре) не получает специального комментария респондентов, видимо, потому, что смысл данной единицы вполне выводим из контекста (даже в том случае, когда ее значение незнакомо читателю). Это «игнорирование», однако, снижает уровень смысловой интерпретации текста – знаковую доминанту автохарактеристики поэта, который не создан для лирических песнопений и гимнов. Вместе с тем стратегия *ассоциации* свидетельствует о том, что на фоновом уровне отсылка к античной традиции многими респондентами считана (см.: *Древняя Греция, кифара, возвещать, мифология* и др.).

(3) Он маринист, он велимировед

Семантика окказионализмов «маринист» и «велимировед» интерпретируется большинством испытуемых через «апелляцию» к именам поэтов Серебряного века. Вместе с тем респонденты опираются и на формальное (звуковое) сходство данных инноваций с лексемами «мир», «море»: срабатывает фактор этимологической рефлексии (Марина – буквально «морская»), а также фактор омонимического совпадения окказионального *маринист* с узуальным словом (ср. *маринист* – «художник, рисующий море»). Эти ассоциации образуют фоновый уровень авторской языковой игры. Сама структура словообразовательной модели с суффиксоидом *-вед* провоцирует реципиентов к актуализации значения «лицо по профессии, сфере интере-

Ассоциация

Марина, море, пучина; морское, Велимир, древнерусское; Велимир Хлебников, море, Марина Цветаева; художник, море, мир; морские пейзажи, Айвазовский; наука.

Ориентировка. Предположение. Вывод

Возможно, он связан с искусством; он журналист, он общественвед; знание мира – речь идёт о научном деятеле; он рисует моря; речь идёт, видимо, о литературоведе Льве Лосеве, описаны качества его характера, указано то, чем он занимается, его профессия; любитель альтернативной поэзии.

Генерализация

В общем – характеристика человека.

Оценка

Умный и замечательный человек.

Мнение

Бредовая профессия, типа мифотворца, только с непонятными целями.

Свободный ответ

Много незнакомых слов.

СОВ».	
<p>(4) Бродкист в очках и с реденькой бородкой, При предъявлении контртекста испытуемые чаще прибегают к разнообразным стратегиям, среди которых наибольшей объяснительной силой обладают <i>предположение</i> и <i>вывод</i>. Внутренняя форма слова <i>бродкист</i> считывается через отсылку к имени И. Бродского, при этом актуализирована ассоциация с <i>Троцкий</i> и косвенно – с одноструктурным <i>троцкист</i> (как политическим ярлыком оппозиционера); ср. рядоположенные ассоциаты <i>революция – Ленин – Троцкий</i> и комментарий <i>бродкист как террорист</i>. Актуализирована в приведенных реакциях</p>	<p>Ассоциация <i>Революция, Ленин, Троцкий; мучения, Бродский, плохое зрение; редактор, литература, Лимонов; искусство, Вуди Аллен</i>⁷.</p> <p>Визуализация <i>Серенький, короткий, средненький; берет, водолазка; мужичок-лесовичок или старый леший.</i></p> <p>Парифразирование <i>Человек в очках и с реденькой бородкой; боец в очках</i></p> <p>Констатация. Предположение <i>Портрет этого человека; описание внешности Льва Лосева; Бродский Иосиф.</i></p> <p>Вывод <i>Учёный, разбирающийся в творчестве Бродского, с незамысловатой внешностью, типичной для учёного; любит Бродского.</i></p> <p>Мнение-оценка <i>Бороды – супер; но слонтяй</i></p>

⁷ Очевидно, ассоциаты *Вуди Аллен* (известный американский кинорежиссер и актер-комик) и *Лимонов* (писатель, эпатазирующий читателя обценной лексикой) отражают соответствие внешности этих представителей киноискусства и литературы характеристике «в очках и с ... бородкой».

<p>на слово <i>бродкист</i> и семантика «приверженец творчества Бродского, изучает его», sic. Лев Лосев.</p>	<p><i>слабохарактерный.</i> Свободный ответ <i>Уничжительная форма (бродкист как террорист), реденькая борода как «анаграмма» к слову бродкист. Звуковые ассоциации.</i></p>
<p>(5) он осиполог с сильной глоткой, он пахнет водкой, он порет бред.</p> <p>Ономастическая мотивация окказионализма (отсылка к Осипу Мандельштаму) считается не всеми респондентами. Под влиянием узкого контекста актуализируются ассоциативные пресуппозиции: <i>сильный</i> от крика, простуды или водки <i>голос</i>. Преобладают реакции негативного характера, и в то же время актуализируются фоновые знания респондентов о людях искусства, находящихся в оппозиции к существующему режиму («непонятых гениях»).</p>	<p>Ассоциация <i>Гитара; грипп, ор, хрип; Осип Мандельштам, уход от реальности, спор, бессмыслица; опьянение; сильный голос, бард, белая горячка; оспа; Высоцкий, алкоголь; графомания, андеграунд, Цой, Лабиринт, простужен, Петербург, жуткая погода, шизофрения, непонятый; порты, мужское, перегар.</i></p> <p>Визуализация <i>Волосат и могуч, хотя не факт.</i></p> <p>Перифразирование. Перевод <i>Резкие слова – порет бред, пахнет водкой; голос сорвал, непонятно выражается.</i></p> <p>Предположение <i>Вероятно, он употреблял много спиртного; осипло горло; опять же анаграмма – осиполог (видимо, речь об Осипе Мандельштаме).</i></p> <p>Констатация. Вывод</p>

	<p><i>Пьяница, которого никто не слушает, но который пытается докричаться до других.</i></p> <p>Генерализация. Оценка <i>Бред жизни; негативная характеристика; неадекват; алкаши; сапожник без сапог.</i></p> <p>Мнение <i>Он алкоголик и психолог.</i></p>
<p>(б) Левлосевлосевлосевлосевлон-ононононононононо Иуда,</p> <p>Актуализированы ассоциации, связанные с символикой предательства, транслируемой прецедентным именем Иуда.</p> <p>Омофоническая техника создания фразы воспринимается некоторыми испытуемыми как имитация бреда, бессмыслицы (в том числе в переносном значении – о смысле жизни в целом), намеренная игра слов. На фоновом уровне считывания семантики фразы всплывает корреляция темы одиночества, изгнания и сегмен-</p>	<p>Ассоциация <i>Бред заики; заикание; предатель, предать; изгнание, гонимый толпой, одинокий, смерть; бессмысленность; Крученных с его игрой со словами, кубофутуристы; повтор, ритм, музыка, весело; омноном, Йоко Оно (похоже звучит).</i></p> <p>Интертекст <i>Библия, предательство Христа, 30 сребренников; Левифан, Люцифер; библейский мотив, сравнение с Иудой.</i></p> <p>Вопрос. Предположение <i>Левлосев – Иуда? Учитывая всё вышесказанное, неудивительно – продаст за 3 копейки.</i></p> <p>Вывод. Мнение <i>Лирический герой явно ненавидит этого Льва Лосева: уже в который раз даже не разделяет имя и фамилию, как будто комкает их; акцент на</i></p>

<p>тов <i>вон, но</i>, вероятно, вычленимых из смоделированного автором звукоряда.</p> <p>Однако читательская рецепция в данном фрагменте текста не выходит за рамки буквального восприятия (не осознан социальный подтекст авторской самооценки). В сознании некоторых респондентов не происходит идентификации лирического героя и автора (<i>Льва Лосева</i>).</p>	<p><i>«Лосев»; предатель, отвращение к тому, как написана строчка.</i></p> <p>Оценка <i>Бред бредовый; бред жизни; много букв и нет смысла; бессмыслица, отстой.</i></p> <p>Свободный ответ <i>Автор, выколи мне глаза!; клавиатура залипла</i></p>
<p>(7) он предал Русь, он предаёт Сион,</p> <p>Рецепция данного фрагмента текста сосредоточена вокруг темы предательства, измены родине и себе, вероотступничества. Углубляется социально-ситуативный контекст восприятия смысла текста.</p>	<p>Ассоциация <i>Предатель, предательство, клятвопреступник, традиции; гроб, кладбище; верование; отлучение от Церкви, холод, суета, незначительное вокруг, шелуха, людшки; Русь Великая.</i></p> <p>Перефразирование. Перевод <i>Он изменник. Перебежчик! Предатель Родины, закона и себя; живёт в нескольких странах.</i></p> <p>Оценка. Генерализация <i>Вечный предатель. Плохой человек.</i></p>

	<p>Констатация <i>Назван предателем.</i></p> <p>Мнение <i>Смерть ему!</i></p> <p>Интертекст <i>Отсылка к религии: аллюзии на историю христианства.</i></p>
<p>(8) он пьёт лосьон, Данный фрагмент воспринимается рецепиентами на фоне социально-бытовых пресуппозиций, вызывая оценочно-ироническую характеристику личности персонажа. Обращает на себя внимание тот факт, что <i>Лев Лосев</i> и автор стихотворения (<i>Лев Лосев</i>) не вполне идентифицируются. Иначе говоря, не всеми считан намеренно использованный поэтом прием «самохарактеристики» от третьего лица (как в форме «доноса» на кого-л. – см. об этом в: [Зубова 2010]).</p>	<p>Ассоциация <i>Запах, отравы; бедность, бомж; алкаш, жажда; алкоголик, настойка боярышника, одеколон, лосьон для тела; огурец, рыба; галстук, рубашка, покраснеть, кожа.</i></p> <p>Вывод <i>Последняя стадия алкоголизма; наркоман; уничтожение: уже даже не водку пьёт – лосьон; нехватка денег.</i></p> <p>Мнение <i>Лишнее подтверждение того, что Лев Лосев за 3 копейки продаст кого угодно, то есть он типичный выпивоха-предатель.</i></p> <p>Оценка. Генерализация <i>Гурман, блин! Плохой человек. Истребление нации.</i></p> <p>Интертекст <i>Словно Ален Делон, который «не пьёт одеколон».</i></p> <p>Инфиксация</p>

	<p><i>Бывает. А ещё шампунь и пену для ванн!</i></p>
<p>(9) не отличает добра от худа,</p> <p>Интерпретация осуществляется как в русле буквальной (ситуативной), так и обобщенно-оценочной проекции.</p>	<p>Мнение <i>Ну, это вообще довольно сложно, а под воздействием лосьона тем более; а в чём-то он прав... нейтральный, компромиссный; как ребёнок; запущенный.</i></p> <p>Констатация. Вывод <i>Нет представления о нравственных категориях; перемешаны ориентиры; запутался в себе: не отличает добра от худа.</i></p> <p>Оценка <i>Теперь он не просто плохой, он не понимает, где хорошее, где плохое; легкомысленный, ветреный, легко поддаётся влиянию, предатель; низкий айкью; дурак, ноль; Ад и Рай; сложно жить на свете!</i></p> <p>Мнение <i>Лосьон затуманил мозги ему, и потому для него всё едино.</i></p> <p>Интертекст <i>Крошка сын к отцу пришёл, и спросила кроха... «Что такое хорошо, что такое плохо?»</i></p> <p>Генерализация <i>Характеристика личностных качеств.</i></p>

<p>(10) он никогда не знает, что откуда, хоть слышал звон.</p> <p>Рецепция респондентов направлена на поиск оснований такой характеристики. Ассоциативная идентификация осуществляется в буквальном (<i>незнание – глупость</i>) и переносном ключе (<i>непонимание – потерянности – потеря жизненного ориентира</i>).</p>	<p>Ассоциация <i>Пословицы; пономарь, церковь, мудрость; пустота сознания, принятие, открытость; звон колоколов, заблудившийся трамвай, высшее назначение.</i></p> <p>Перевод <i>Непроверяемая инфа, неподтверждаемость.</i></p> <p>Парфразирование <i>Не знает, что, куда и что у кого.</i></p> <p>Интертекст <i>Слышит звон, да не знает, где он...; как в танке сидит.</i></p> <p>Мнение. Оценка <i>Это глупый человек; словно слабоумный, неспособен ориентироваться в жизни; неадекват; глупый, легкомысленный.</i></p> <p>Генерализация <i>Не устанавливает связи между предметами, знания его разрозненны, несистемны; поток сознания.</i></p> <p>Вывод <i>Не может определить причину событий; смятение, поиск себя, путаница; звон колоколов – призыв небес, судьбы, но он не знает, что от него требуется; неопределённость, потерянности.</i></p>
<p>(11) Он аннофил, он</p>	<p>Ассоциация</p>

<p>александроман,</p> <p>Большей частью испытуемых семантика данных окказионализмов считана на уровне мотивационной выводимости (является поклонником, изучает творчество поэта); отсылка к имени, «закодированному» в авторской инновации, зависит от культурного фона респондентов.</p>	<p><i>Серебряный век; Анна Ахматова, Александр Блок; Александр Македонский- завоеватель; Александр; Анна, Аннушка; смерть, человеколюбие; филология.</i></p> <p>Предположение. Оценка <i>Это скорее положительная характеристика; Ахматова, Блок (или Пушкин), наверное, он восхищается ими; иметь своё хобби – чудесно!</i></p> <p>Мнение <i>Начитан, однако.</i></p> <p>Вывод <i>Поклонник Пушкина или другого Александра; он литературовед; он не поэт, но поэзию изучает и любит.</i></p> <p>Перевод. Констатация <i>Поклонник Александра II; любитель творчества Александра Пушкина и Анны Ахматовой.</i></p> <p>Свободный ответ <i>Соединительные гласные О и Е (рефлексия над способом образования окказиональных слов. – Т.Г., Е.Д.).</i></p>
<p>(12) федоролюб, переходя на прозу,</p> <p>Выявляются те же тенденции восприятия</p>	<p>Ассоциация <i>Достоевский; Федора, просто, свет; Фёдор Достоевский, любить, прощать; проза, поэзия, лирика, драма.</i></p>

<p>текста и порождения контртекста, как и в предыдущем фрагменте. Семантика окказионализма считается уже более полно, апеллирующей к имени Фёдор больше, хотя испытуемые не вполне уверены, о Сологубе или Достоевском идёт речь. Усугубляется оценочность, связанная с осмыслением литературных «пристрастий» лирического героя.</p>	<p>Интертекст <i>«Преступление и наказание», трагедия «Федра».</i></p> <p>Вопрос <i>Федоролюб – и кого он там любит? Писатель, но не могу понять, какой.</i></p> <p>Предположение <i>Любитель Достоевского или любитель лёгкой прозы; любит Федору или Фёдора (Достоевского), или произведение «Федра»; Фёдор Достоевский – его любимый писатель; кто любит творчество Федора Сологуба или Фёдора Достоевского.</i></p> <p>Мнение <i>И кого ещё он только не любит!</i></p> <p>Оценка. Генерализация <i>Утончённый ценитель литературы.</i></p>
<p>(13) его не станет написать роман, а там статью по важному вопросу – держи карман!</p> <p>Наблюдаются прямо противоположные векторы осмысления респондентами данного фрагмента текста: труд-</p>	<p>Ассоциация <i>Писатель, публицист, графоман, литературный критик, писательство; необязательность, невозможность выразить...; счета, протокол, живое и застывшее, восприятие, нет, шире, отказ; статика, статейка в газете, решение.</i></p> <p>Констатация. Перевод. Перифразирование</p>

ность вызывает фраза «его не станет написать роман», ложно понятая некоторыми участниками эксперимента как «неспособность» лирического героя к писательскому труду (ср. «сделать что-л. с легкостью, без труда» – о ситуации написания романа или статьи в данном случае); неверно считан рядом респондентов и смысл «разориться» у прецедентного выражения «держи карман (шире)»; ср. тему «напрасных, несбывшихся ожиданий», транслируемую в тексте редуцированным вариантом этой поговорки). Продуктивными стратегиями интерпретации являются предположение (ориентировка) и вывод. Ассоциативный фон восприятия данного текстового фрагмента отсылает к пресуппозициям «непризнанности» таланта, невозможности самореализации творческой лич-

Он может написать хоть роман, хоть статью, но продуктивно ли это? – «Держи карман шире»; любит размышлять на разные темы; не умеет писать как художественные, так и научные тексты – «держи карман!»

Предположение

Роман жизни будет не закончен, он оборвётся с его жизнью, останется небольшая статья для материальных благ; герой пишет, и его не установить; о нём не напишут роман, или он не напишет роман; писатель умер, и никто за него не напишет роман.

Вывод. Генерализация

Писатель, который разбирается во всём.

Оценка

Явно ненадежный человек, портящий жизнь другим; ту-неядец, не хочет работать, но в то же время очень талантлив, с лёгкостью выполняет любые словесные, письменные манипуляции.

Мнение. Инфиксация

Не стоит писать о нём роман, и статью тоже, береги деньги, а то разоришься.

Интертекст

<p>ности (писателя, поэта, литературного критика) в условиях цензуры, отсутствия свободы слова (в тоталитарном государстве).</p>	<p><i>Держи карман и закатай губу; талант не пропьёшь; Артур Пирожков; за ним не заржавеет.</i></p>
<p>(14) Он слышит звон, как будто кто казнён</p> <p>В ассоциативном поле восприятия данной фразы актуализированы исторические прецеденты и символика казни как проявления крайней жестокости, деспотизма, подавления свободы слова, пограничного состояния между жизнью и смертью, страдания, наказания, божьей кары и т.п.</p> <p>Применительно к описываемой в тексте ситуации акцент восприятия реципиентов сфокусирован на оценочной характеристике лирического героя – его трагическом мироощущении, предчувствии неминуемой расправы как с ним самим, так и со</p>	<p>Ассоциация <i>Предсказатель; стервятник, боль; плащ палача; церковь, колокол, плаха, Иван XI, деспотизм, кровь, страх, убийства, ненависть, раскол; гильотина, Франция, звук колокола; сталинские репрессии, звон выстрелов; боль, чувство, сочувствие, нервы, интуиция, сосны, звон, эмпатичный, скукоживаться, реальный, плохо, перетекать, состояние нестояния; призыв небес, всевышних сил, пророчество о смерти; звонок, казнь.</i></p> <p>Констатация. Вывод <i>Слышит звон и считает, что кого-то казнили; очень внимателен к событиям, происходящим вокруг.</i></p> <p>Мнение. Оценка <i>Страшный человек, он любит казни! любит смерть!; безразличен к другим.</i></p> <p>Предположение <i>Писал про декабристов; не знает, где он, кто мёртв, а</i></p>

<p>всеми инакомыслящими. Ср. в этой связи предположение одного из респондентов о том, что речь идет о декабристах.</p>	<p><i>кто жив.</i></p> <p>Интертекст <i>«Последний день приговорённого к смертной казни» Гюго; казнить нельзя помиловать.</i></p> <p>Перефразирование. Перевод <i>Когда казнят – звонит колокол.</i></p> <p>Вопрос <i>Один звон он не слышит, почему слышит другой?</i></p>
<p>(15) там, где солома якобы едома,</p> <p>Контртекст данного фрагмента, выстраиваемый на основе стратегии ассоциации, отражает «бытовые» пресуппозиции ключевых слов <i>солома</i> и <i>едома</i>, оценочные векторы осмысления тяжести крестьянской жизни и бедности; кроме того, на фоновом уровне считана ироническая условность предлагаемой ситуации (ср. <i>подмена понятий, футуризм</i>) и обыгрываемое созвучие сочетания <i>якобы едома</i> со словами <i>дома, дом, едок, якобы-</i></p>	<p>Ассоциации <i>Поле, стог, сеновал, запасы, задворки; деревня, природа, жвачное, коровки, домашний скот, пастбища; жёсткая, противная, ломкая соломина; дёсны, ноготь, жалкий, труд, тяжесть, запрягать; подмена понятий; футуризм; якобинцы, якобс; едок, дом, дома; подчинительные союзы.</i></p> <p>Предположение <i>Бред. Словно о животном идёт речь, которое ест солому; Где-то едят солому: кто – загадка. Люди? Казнённые? Палачи? Или всё-таки кони?; Какое-то литературное произведение.</i></p> <p>Вывод. Мнение <i>Тот, кто казнён, – в раю, где всё во благо человека.</i></p>

<p><i>нец.</i></p> <p>Наиболее близка к замыслу автора избранная одним из респондентов стратегия перевода и генерализации.</p>	<p>Интертекст <i>Содом и Гоморра.</i></p> <p>Перевод. Генерализация <i>Там, где якобы хорошо.</i></p>
<p>(16) но то не колокол, то телефон,</p> <p>Ассоциативный фон задает антитезу <i>звон колокола – телефонный звонок</i>. Несоответствие трагического «накала» предыдущего отрывка бытовой тональности развязки отражено во всех приведенных стратегиях рецепции.</p>	<p>Ассоциация <i>Разочарование, телефонная трель, звонок; iPhone; звук, телефон, звуковые галлюцинации; прогресс, пожар, 01, Москва; диск, коридор, совок, кружечная салфетка; редакция, коммуналка; необходимость; ололо, тонет колокол; разговор, долго, про нас, возьмём его с собой.</i></p> <p>Интертекст <i>«Слуховые галлюцинации»</i> (название рок-группы); <i>Чудотюдо.</i></p> <p>Оценка. Мнение <i>Мелочь, а не проблема; непонятно; стихотворение вызывает депрессию, т.к. нелогично, фразы не связаны; у Льва Лосева большая фантазия.</i></p> <p>Предположение <i>Все эти видения породил звонок телефона. Или начался бред в медицинском смысле; боль, сон, пробуждение.</i></p> <p>Генерализация</p>

	<p><i>Земные звуки, земная жизнь.</i></p> <p>Вывод <i>Увы, время не то, время телефонов, а не колоколов; изменилось время: вместо колоколов – телефоны; звонок, соединяющий пространство.</i></p>
<p>(17) он не подходит, его нет дома.</p> <p>В финальном фрагменте интерпретация получает обобщающий характер, суть стихотворения сводится к теме одиночества, безразличия, отчаяния героя, равносильного смерти.</p> <p>Не считанным остается саркастический подтекст, связанный с проявлением авторского самоуничтожения, самоотрицания себя как личности, «изгоя» в своем отечестве.</p>	<p>Ассоциация <i>Печаль, безразличие, забил на всех; испариться, отсутствие; холодно, спор, окно; странник; неформат.</i></p> <p>Констатация. Перефразирование <i>Нет никого дома, отстаньте!; Телефон он слышит, но трубку не берёт; дом пуст.</i></p> <p>Предположение <i>У него нет дома; звонок в пустоту; он в гробу; он умер.</i></p> <p>Вывод. Генерализация <i>Все уходит. Мотив одиночества, пустого дома; одиночество человека, оторванность от внешнего мира;</i></p> <p>Оценка <i>Жаль, очень жаль.</i></p>

Полученные данные позволяют утверждать, что результат интерпретации текста находится в прямой зависимости от стратегий его пошаговой рецепции читателями. Наблюдается корреляция между осмыслением содержанияokka-

зиональных единиц поэтического произведения и глубокой считывания авторской интенции.

Среди наиболее частотных стратегий динамического восприятия стихотворения «Левлосев» выделяются *мнение и оценка*. Продуктивными для понимания авторского замысла оказались стратегии *предположения, констатации, перевода, интертекста и промежуточного вывода*. На этапе формулирования смысла всего текста проявились тенденции к *генерализации и конкретизации*.

Толкования респондентов варьируют в широком диапазоне: от непонимания смысла стихотворения до осознания его «небуквальной» подоплеки – трагического конфликта общества и личности и «самоаннигиляции» лирического героя, за которым стоит автор. Приведем для иллюстрации некоторые показательные в этом плане интерпретации:

- *Стихотворение представляет собой набор бессмысленных и не связанных между собой утверждений, описывающих противоречивую и сумасшедшую личность.*

- *Портрет современной молодёжи. Ничего не знают, пьют, неразборчивы ни в людях, ни в себе самих не могут разобратся, ленивые, безответственные, невоспитанные, безразличные, предатели, непатриоты.*

- *Звонок по домашнему: - Ты ещё есть? - Меня уже почти что нет». - Из Фрая.*

- *Стихотворение о смене эпох, оно трагично. Автор упоминает многих поэтов Серебряного века. Возможно, речь о литературе этого времени с её новаторством, это похоже на совместный труд всех акмеистов, символистов и футуристов.*

- *Стихотворение о духовно богатом человеке, который многое знает о жизни, людях, мире. Но земные страсти, грехи влекут его за собой. Он теряется в этом гре-*

ховном мире. Но до последнего слышит звон души. Остаётся одиноким.

- *Характеристика Льва Лосева, стихотворение необычно, интересно, сложно выстроено: это своеобразное ироническое «досье» автора на самого себя (оценка общественного мнения, не признающего инакомыслия).*

Данные проведенного эксперимента обнаруживают тот факт, что первичным перцептивным базисом для интерпретации поэтического текста выступает стратегия *ассоциации*. В частности формальные и семантические реакции на окказиональные единицы текста намечают потенциальные векторы (прогноз) их дешифровки (ср. мотивационную выводимость и ассоциативную идентификацию как способы декодирования словотворческих автохарактеристик *маринист, велимировед, александроман, федоролюб, осиполог* – см. Таблицу). Порождение контртекста применительно к каждому из фрагментов данного стихотворения обнаруживает комплексную интерпретационную «технику» – сочетание стратегий *констатации* с *перефразированием* и *переводом* (в ходе этих операций выявляются актуальные для респондентов смыслы соответствующего отрывка); соединение стратегий *оценки и мнения, предположения с прогнозом* и *промежуточным выводом; визуализации с генерализацией*. Особым вектором «освоения» смысловой глубины стихотворного произведения является рефлексия над использованными автором приемами языковой игры (в данном случае самостоятельную значимость приобретают стратегии считывания *интертекста, свободного ответа*, нацеленного на поиск фонетических и структурных соответствий окказионального слова неким аналогам, ср. например, *бродскист – звучит, как троцкист* и т.п.). Совершенно очевидно, что глубина интерпретации текста зависит от культурного фона реципиентов и уровня их лингвистической компетенции.

В целом можно отметить продуктивность методики порождения контекста для экспериментальной верификации читательской рецепции художественного произведения. Вместе с тем представляется перспективным и необходимым соединением этой методики с психолингвистическими экспериментами, создающими условия для направленной рефлексии *над художественной формой*, в том числе сигналами авторской языковой игры (см., например, [Гридина 2013]).

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры). Автореф. дис. на соиск. уч. степ. д. филол. н. – М., 1996.

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте. – Екатеринбург, 2008.

Гридина Т.А. «Делать из мухи слона»: ассоциативная проекция игрового слова в художественном тексте //Лингвистика креатива-2: коллект. моногр. /Под общей ред. проф. Т.А.Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург, 2013.

Гридина Т.А. Ассоциативные проекции детских словотворческих инноваций и тренинги вербальной креативности// Лингвистика креатива-3: коллект. моногр. / Под общей ред. проф. Т.А.Гридиной. – Екатеринбург, 2014.

Зубова Л.В. Языки современной поэзии. – М., 2010.

Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – М., 1980.

Коновалова Н.И. Модель описания культурной семантики языковых единиц в словаре // Педагогическое образование и наука. – 2012. № 11. – С. 18-20.

Лингвистика креатива-2 / Под общей редакцией профессора Т.А. Гридиной. Екатеринбург, 2012. (2-е издание)

Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. – 2003. – №1. – С. 64-76.

Латто М.А. Технологии «медленного чтения» (психолингвистический анализ стихотворения М. Цветаевой «Так вслушиваются...») // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Вып. 10. – Екатеринбург, 2012. – С. 49-71.

©Гридина Т.А., 2014

©Душина Е.В., 2014